

Наследие Ивана Ефремова и ценностные ориентации российской национальной доктрины образования.

Доклад на I Международном симпозиуме «Иван Ефремов – ученый, мыслитель, писатель. Взгляд в III тысячелетие. Предвидения и прогнозы». г. Пущино Московской области, 11 октября 1997 г.

Один из любимых героев Ивана Ефремова и в какой-то мере его автопортрет Иван Гирич любил начинать свои выступления перед аудиторией с парадоксальных утверждений. Воспользовавшись тем же приемом, хочу сразу сказать: Иван Ефремов не нуждается в юбилейных датах – в них нуждаемся мы!

Не берусь судить, будут ли потомки числить Ивана Ефремова среди выдающихся писателей двадцатого века, но не сомневаюсь: его имя будет вписано в историю социальной мысли нашего столетия в числе выдающихся мыслителей-гуманистов. Нам же сегодняшняя дата нужна не только для того, чтобы отдать естественный долг памяти одному из крупнейших отечественных энциклопедистов. Она нужна нам, чтобы, опираясь на выдающиеся познания, верность научной парадигме и веру в человека, столь характерные для Ивана Ефремова, попытаться осмыслить тот новый этап инферно, в котором оказалась российская цивилизация, те тенденции развития, которые могут привести ее вместе со всем человечеством к «Часу Быка», а то и к полной катастрофе. Главное же – чтобы осмыслить те направления социального действия, которые помогли бы нашей планете избежать подобного исхода, столь много раз описанного Ефремовым в его научно-фантастических романах, причем намного раньше научной глобалистики и инвайронментальной социологии.

Одной из таких проблем, – важнейшей после того, как люди накормлены, одеты и излечены, а, может быть, не после, но наряду с этим, – автор «Лезвия бритвы» считал воспитание человека, способного жить в условиях современной цивилизации и обеспечить ее будущее. Думаю, та же проблема окажется одной из центральных в дискуссиях вокруг российской национальной доктрины образования, работа над проектом которой сейчас начинается в профильных комитетах Государственной Думы и Совета Федерации.

Перечитав недавно книги Ивана Ефремова, я убедился, что его интеллектуальный потенциал с этой точки зрения явно недостаточно использовался в советский период и совершенно забыт в период постсоветский.

На мой взгляд, Иван Ефремов создал целую философию образования, может быть, не слишком оригинальную, – и это ее достоинство, а не недостаток, – причем ценностные ориентиры для этой системы отбирались на основе трех главных принципов.

Первый принцип – психофизиологическая целесообразность. В противоположность многочисленным футурологам и фантастам (имя им легион), которые беспрерывно «прогнозируют» превращение человека в

киборга либо в «homo sapientissimus» с гипертрофированным мозгом и почти атрофированным телом, Ефремов в лице своих героев не устал повторять, что современному человеку в наследство досталась превосходная биологическая машина, сформированная природой за миллионы веков эволюции. Вместе с тем организм человека – мыслящего существа – принципиально отличен от организма животного, а потому чисто физиологический подход здесь мало продуктивен и должен быть заменен психофизиологическим.

В соответствии с такой установкой обязательными составляющими программ в школе будущего должны стать теоретический курс человековедения, включая элементы психофизиологической саморегуляции, заимствованные из культур Востока, физкультурно-спортивные занятия, танцы, искусство и т. п.

В настоящее время в профильных парламентских комитетах, в Министерстве образования, в кругах научной и педагогической общественности обсуждается проблема федеральных образовательных стандартов, одним из центральных аспектов которой является вопрос о предельно допустимых учебных нагрузках. При этом одни специалисты убедительно доказывают, что нынешние школьные учебные планы перегружены, и в результате здоровье детей к окончанию школы резко ухудшается. Отсюда – предложение резко сократить объем занятий и требования к выпускным испытаниям (что между прочим еще более снизит зарплату педагогов). Другие не менее аргументировано указывают на весьма вероятное в этом случае снижение качества российского образования, которое в последние годы и без того теряет свои позиции на международной арене. Обратной стороной снижения учебных нагрузок, как неоднократно отмечалось в дискуссиях, может оказаться также рост детской безнадзорности и еще большая бездуховность как результат примитивизирующего влияния средств массовой информации.

В таких условиях позиция Ивана Ефремова, согласно которой школьные нагрузки детей и подростков должны быть большими, но чрезвычайно разнообразными, не только развивающими все духовные способности – интеллект, чувства и волю, но и тренирующими тело, обеспечивающими физическую красоту и здоровье, – эта позиция, по крайней мере, имеет право на серьезное научное обсуждение.

Тем более что такая позиция – результат не только и не столько теоретических рассуждений, сколько обобщения опыта мировой культуры. Такое обобщение и представляет собой второй принцип ефремовской философии образования. Автор «Лезвия бритвы» был уверен: подобно тому, как художник не может создать ничего лучше того, что отобрано природой за миллионы веков эволюции, но способен выразить красоту в концентрированной форме, а философия образования и воспитания не вправе просто конструировать идеал человека, но должна опираться на исторические традиции тех общественных систем и культур, которые его возвышали, совершенствовали физически и духовно.

Нельзя не отдать должного Ивану Ефремову: в этом своем представлении он поднялся выше многих своих современников, отношение которых к проблеме «нового человека» в гротескном виде могло бы быть выражено формулой: любой советский уголовник лучше западного «буржуя». Что более важно, он (Ефремов), сам того не предвидя, поднялся гораздо выше потомков тех самых современников, в начале 90-х гг. стремительно сменивших примитивные псевдокоммунистические воззрения на столь же примитивные антикоммунистические и объявивших так называемого «homo soveticus» «совком» т. е. исчадием всех пороков и чуть ли не «недочеловеком».

С большой вероятностью можно утверждать, что при обсуждении ценностных аспектов российской национальной доктрины образования столкнутся три основные духовно-идеологические ориентации:

либерально-западническая (точнее, либерально-американистская, поскольку в рамках западной цивилизации различия между американской и европейской культурами весьма существенны);

консервативно-почвенническая (в хорошем варианте – государственническая, в плохом – националистическая);

мистически-восточная (различные варианты эзотеризма, оккультизма, разного рода синкретические верования).

Ортодоксально-коммунистическая, лево-демократическая и иные ориентации, учитывая их нынешнее влияние, будут играть в этой борьбе роль факторов, скорее демфирующих, чем детерминирующих ее результаты.

Здесь не место объяснять, почему разного рода идеологические крайности приобрели столь большое значение в современной России. В общем виде это связано с феноменом «маятника», который представляет собой, по-видимому, ситуационную закономерность любой революции, в том числе новейшей российской. Гораздо важнее для нас заметить, что и здесь синтетический, интегральный подход Ивана Ефремова представляется несравненно более продуктивным, чем идеологические метания нашего «смутного времени». Мы не ошибемся, сказав, что Ефремов отдавал известную дань всем вышеназванным традициям (и не только им), вместе с тем не принимая ни одной из них целиком и тем более не будучи их фанатичным приверженцем, отвергающим все иное.

По мнению автора «Лезвия бритвы», каждый гражданин должен прежде всего знать культуру своего народа, но ни в коем случае в ней не замыкаться. Сожалея о разрушении православных храмов (как памятников культуры) и критикуя за это советское руководство, он же устами Гирина жестоко осуждает церковь за то, что она не отмежевалась публично от иудео-христианской традиции отношения к женщине как к «сосуду греха», от мракобесия авторов «Молота ведьм» и массового уничтожения женщин в средневековой Европе. Правда, России в этом смысле повезло, ибо размах ведьмофобии в отечестве нашем был гораздо меньше.

Ефремов восхищался достижениями восточной культуры (прежде всего индийской) в области психофизиологической саморегуляции, искал не

просто рациональное зерно, но глубокий смысл в древних легендах и верованиях. Овладение этими достижениями, как уже отмечалось, является обязательным для школы будущего и в «Туманности Андромеды», и в особенности в «Часе быка». Однако все тот же Иван Гирич жестко полемизирует с индийскими мудрецами, указывая им на то, что, во-первых, раскрытие тайн индийских йогов не дало почти ничего нового по сравнению с достижениями западной науки, а, во-вторых, высочайшие достижения на пути духовного самосовершенствования немногих отнюдь не сделали счастливее индийский народ в целом.

Точно так же, отдавая дань уважения западной науке и полагая, что именно наука, а не вера в сверхъестественное, должна быть основой мировоззрения современного человека, Ефремов вместе с другими гуманистами не устает раскрывать ограниченность технократического сознания, указывая на то, что эти достижения постоянно используются правящими группами не на благо человека, а ему во вред.

Энциклопедические познания и кругозор Ивана Ефремова, однако, не исчерпывались тремя вышеназванными культурно-идеологическими ориентациями. Едва ли не в большей степени привлекали его две другие ориентации: античная и коммунистическая (точнее, может быть, назвать ее социально-гуманистической). О первой разговор впереди, на второй следует остановиться чуть подробнее.

В конце 80-х гг. в печати появилась версия, согласно которой «Туманность Андромеды» – классическая коммунистическая утопия – и аналогичные по духу страницы других книг Ивана Ефремова были не более чем данью господствующей идеологии. Сам же Ефремов, согласно такой интерпретации, был одним из предшественников диссидентского движения. В доказательство приводился тот факт, что роман «Час Быка» многие годы находился под негласным запретом и характеризовался некоторыми тогдашними работниками Госбезопасности как «боевая прокламация антисоветского характера». Не сомневаюсь, авторы версии руководствовались самыми лучшими по отношению к Ивану Ефремову намерениями, желая сохранить его наследие для современников. Однако и они, и работники Госбезопасности, увидевшие в «Часе быка» «антисоветскую пропаганду» были не правы, и в действительности дело обстоит не совсем так, если не совсем не так.

Разумеется, Ефремов не был ортодоксальным коммунистом в духе догматизированной идеологии, – для подобной идеологии он был слишком умен и образован. Однако его левые взгляды никак не могут быть признаны случайными или конъюнктурными. Напротив, они прямо вытекают из ефремовской социальной философии вообще, и из философии образования – в особенности.

Во-первых, как уже говорилось, Ефремов раньше абсолютного большинства своих современников осознал угрозу гибели человеческой цивилизации в случае продолжения неконтролируемого технического прогресса и необузданного роста потребления. Уже в «Туманности

Андромеды» экипаж «Тантры» стал свидетелем глобальной катастрофы на планете Зирда, где разумная жизнь не смогла совладать с собственной технической мощью. Что же касается «Часа Быка», то описанная в романе катастрофа на планете Ян-Ях по всем основным параметрам аналогична той, которую спустя несколько лет назад предсказали на Земле в конце XXI века специалисты группы Д. Медоуза в первом докладе Римскому клубу.

При этом и в первом романе, стандартно считающемся «прокоммунистическим», и во втором, нередко столь же стандартно характеризуемом как «антисоветский», Ефремов не допускает идеологически упрощенной трактовки проблемы. Глобальные катастрофы и их следствия – тоталитарно-олигархические режимы – могут возникать, по его мнению, как на базе монополистического капитализма, так и на базе государственного «казарменного» («муравьиного») социализма, а на пути к «эре свободного труда» человечество неизбежно проходит через войны, технологические и природные катастрофы и т. п.

Но точно так же хорошо Ефремов понимал, что интересы крупных частных корпораций рано или поздно вступят в противоречие с интересами выживания человечества и последнему придется выбирать между гибелью и изменением вектора, модели социального развития. В этом смысле писатель оказался предшественником современного экосоциализма и идей, содержащихся в документах конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро.

Во-вторых, – и об этом тоже уже говорилось в связи с полемикой Ефремова с индийскими мудрецами, – смыслом его философии образования было, говоря философским языком, развитие сущностных сил не узкого круга людей, составляющих привилегированные общественные группы, но всех или большинства членов общества. Эта проблема практически не разрешима при том уровне социального неравенства, который существует в современном «потребительском» обществе, не говоря уже о том, что сама возможность существования потребительского общества во многом основана на недопотреблении остальной части мира. Следовательно, и интересы развития человека требуют, согласно Ефремову, качественного преобразования системы общественных отношений.

Таким образом, обобщение опыта мировой культуры в качестве одного из главных принципов, на которых строится философия образования, проявляется у Ефремова не в форме преклонения перед единственной национально-культурной традицией (хотя бы даже и самой близкой, отечественной) и не в форме синкретического смешения различных традиций. Оно предполагает:

- отбор из каждой культурной традиции ценностных ориентиров, способствующих гуманизации и гармонизации человека;
- интеграцию этих ориентиров в единую систему на базе, преимущественно, отечественной культурной традиции (до тех пор пока не произойдет общепланетарного культурного синтеза). Символом такой

интеграции, единства европейской и восточной культур служит описание картины «Мост Ашвинов», которым завершается «Лезвие бритвы»;

– стремление обеспечить условия для полноценного образования и развития всех или большинства людей, а не узких привилегированных групп (признак левой политической ориентации).

Как представляется, всё это за прошедшие годы не только не утратило остроты и актуальности, но, увы, приобрело еще большую.

Третьим принципом отбора ценностных ориентиров в ефремовской философии образования выступает гармоническое сочетание противоположностей – знаменитый принцип «Лезвие бритвы». Суть его многократно излагалась автором одноименного романа и состоит в следующем. Любое гипертрофированное развитие одной из сторон человеческой природы в ущерб другим ее сторонам приводит на уровне общества к углублению инферно, а на уровне личности – к ее деформации или даже разрушению. Перед человечеством на его историческом пути стоит труднейшая задача – пройти между крайностями одностороннего развития, как по острию ножа или лезвию бритвы, постоянно рискуя сорваться в пропасть. Физическая мощь при отсутствии духовности, духовные искания, не подкрепленные работой над телесным здоровьем и красотой и потому нередко порождающие антигуманные философские и религиозные системы, гипертрофированное развитие разума при дистрофии или атрофии человеческого чувства, бездеятельная мысль и неосмысленное действие – все эти варианты односторонности равно не приемлемы для Ефремова и его любимых героев. Увы, по сравнению со временем конца 50-х – начала 70-х гг. и эта позиция в настоящее время стала еще более актуальной и менее достижимой.

Насколько ниже Ефремова оказались многие наши современники, насколько не освоен принцип гармонии противоположностей даже образованным российским сообществом, можно судить хотя бы на примере бурных дискуссий вокруг проекта «Половое воспитание российских школьников». В этих дискуссиях доминировали две одинаково радикальные и одинаково односторонние точки зрения. Сторонники одной пытались свести половое просвещение к элементарным технологиям секса, к умению пользоваться презервативами и тампаксами. При этом они, конечно, шли в ногу с психологией времени, которая менялась вместе с разрушением традиционного общества, причем отражением тенденций массового сознания служила массовая песня. В несколько упрощенной форме это выглядит так.

Начало 50-х гг.:

«Я люблю тебя так,

Что не сможешь никак

Ты меня никогда, никогда, никогда разлюбить!»

Начало 70-х гг.:

«Благодарю за то, что по судьбе прошла,

За то, что для другого сбудешься...»

Конец 80-х гг.:

«Мы в сердце у женщин гости.

Была любовь, да улетела».

Начало 90-х гг.:

«Секс, секс, как это мило,

Секс, секс без перерыва».

В соответствии с установкой времени на «секс без любви», в средние классы школы запускались анкеты, которые не каждый взрослый способен прочесть вслух, не краснея. Результатом вместо полового воспитания оказалось разрушение остатков нравственности, бурное возмущение родителей и педагогов.

Другая крайность в дискуссии представлена радикально-патриархальной (или радикально-церковной) позицией, которая выступает против любой легализации в искусстве и средствах массовой информации сексуальных отношений, доказывается ссылками на древние тексты, утверждает, что их (отношений) оправданием является не любовь, как считается в большинстве гуманистических культур, но только брак, полагается исключительно на силу запретов и т. п. Вряд ли нужно доказывать, что такой подход, афористически выражаемый формулой «любовь без секса», безнадежно устарел и не имеет никаких шансов на успех.

Интересно, что Иван Ефремов жестко критиковал или остроумно высмеивал эти позиции еще несколько десятилетий назад, предлагая им обеим реальную альтернативу. Насколько более плодотворной и менее ожесточенной была бы современная дискуссия, если бы большинство ее участников поднялись до ефремовского подхода: не бесплотная монашеская любовь, за которой нередко скрывается ханжество или психологические комплексы, и тем более – не животный секс, приводящий в конце концов к опустошению личности, но одухотворенный эрос – вот то «лезвие бритвы», по которому могли бы быть выстроены программы полового воспитания молодежи и уж, конечно, с учетом возраста и культурных традиций каждого народа и региона. Эта же ефремовская позиция могла бы стать одним из ценностных ориентиров российской национальной доктрины образования.

Разумеется, названные выше принципы не исчерпывают не только философии образования Ивана Ефремова, но и ключевых ее идей. Равным образом приведенные примеры составляют лишь ничтожную часть возможных доказательств актуальности этой философии для современного российского общества. Но и сказанного достаточно, чтобы еще раз повторить: Иван Ефремов не нуждается в юбилейных датах – в нем нуждается мы! И прежде всего пусть возвратятся его книги к людям молодым, в программы старших классов школ, колледжей и вузов. Предлагаю внести это в рекомендации симпозиума. Быть может,

воспитанные этими книгами представители нового поколения сумеют исправить ошибки своих предшественников. Так хочется верить, что сегодняшние тенденции развития цивилизации вообще и российской цивилизации в особенности – это не путь к окончательной катастрофе, но всего лишь «час быка»...

Опубликовано в материалах 1-го Международного симпозиума «Иван Ефремов - ученый, мыслитель, писатель. Взгляд в 3-е тысячелетие. Предвидения и прогнозы». Часть первая. М.: НЭЦ «ЭОЛ», 1998. - С. 62-74 и некоторых журналах.